

Николай Добролюбов

**La confession d'un poete. Par
Nicolas Semenow, Paris, 1860**

Николай Добролюбов

**La confession d'un poete. Par
Nicolas Semenow, Paris, 1860**

«Public Domain»

1860

Добролюбов Н. А.

La confession d'un poete. Par Nicolas Semenow, Paris, 1860 /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1860

ISBN 978-5-457-14076-9

В рецензии на роман Н. Н. Семенова ярче, чем в других произведениях Добролюбова, выразилось неприятие критиком-демократом социальной психологии и морали дворянского общества, сколком которых является этот роман. Добролюбов с неодобрением воспринимает сам факт сочинительства русского автора на французском языке, в чем критик видит проявление элитарности, незаинтересованности в демократическом читателе. Но особенно возмущает критика крепостническое отношение к женщине, которым пропитан «аристократический» роман Семенова.

ISBN 978-5-457-14076-9

© Добролюбов Н. А., 1860
© Public Domain, 1860

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

La confession d'un poete. Par Nicolas Semenow, Paris, 1860

(Исповедь поэта. Сочинения Николая Семенова. Париж)

Все, что написано по-французски, принадлежит, собственно, к французской литературе и потому по-настоящему не должно бы иметь места в русской библиографии. Но мы питаем большую нежность к нашим соотечественникам, на каком бы языке они ни говорили, и никак не хотим уступить их иноземцам. Г-н Кокорев, граф Соллогуб, Наркиз Атрешков, Николай де Жеребцов, инженер-полковник Комаров и другие французские литераторы из русских^[1] остаются постоянно близки нашему сердцу не менее тех русских писателей, которые простирают свое презрение к иностранным языкам до того, что Blinde Kuh переводят «слепая корова»...^[2] Наш патриотизм так велик, что никакой язык, даже язык статей г. Аполлона Григорьева^[3], не помешает нам тотчас признать нашего соотечественника, где бы мы его ни встретили, не только в Париже, но даже в первом и третьем отделении Санкт-Петербургской Академии наук^[4]. Не упрекайте же нас за намерение разбирать в числе русских книг французское сочинение г. Семенова.

В отношении к этому автору мы имеем, впрочем, и другие причины, почему обращаем на него внимание. Главная причина та, что нам жаль юный (может, он и старый, но из учтивости всегда говорится – юный) талант, до сих пор не нашедший себе достойной оценки. Представьте себе, молодой российский юноша ощутил вдруг призвание к творчеству и неразлучное с ним стремление к славе. Он горит желанием раскрыть свою душу пред целым миром. Россия, как ни огромно ее протяжение, тесна для него, удивления семидесяти миллионов, говорящих по-русски, мало ему... Он хочет заявить себя пред Европой, он желает поразить блеском своего гения весь образованный мир. И вот он прибегает к всемирному языку – сочиняет книжку по-французски, спешит в Париж, печатает свою рукопись в великолепной типографии Дюбюиссона в Rue-Coq-Heron, может быть самой литературной из парижских улиц, нечто вроде Армянского переулочка в Москве^[5], – отдает свою книжку на попечение г. Amyot, разделяющего с Франком любовь наших соотечественников^[6], и ждет, что заговорит о нем Европа. Он имеет все шансы для прославления своего имени: лучшие из соотечественников прочтут его по-французски скорее, чем если бы он писал по-русски; в мнении каждого порядочного русского роман его будет заранее выигрывать 50 процентов уже потому, что он идет из Парижа и, кроме того, сокровища таланта русского автора доступны теперь для удивления всех образованных людей Европы; но особенно важно то, что новое французское творение должно вызвать похвалы парижской прессы; а так как известно, что журналистика всего мира повторяет то, что говорится в Париже, то, без всякого сомнения, имя г. Семенова скоро разнесется во все концы вселенной и прогремит в обоих полушариях.

Так, конечно, рассчитывал юный романист и, может быть, в мечтах своих возносился уже выше Вандомской колонны^[7], против которой помещается книжный магазин г. Амьё, его издателя. Судите же, каково должно быть его разочарование: прошло около года после издания его романа, и никто не заикнулся о нем. Парижская пресса прошла его молчанием, и он может рассчитывать разве попасть в будущий «Annuaire des deux Mondes»^[8], который с особенной любовью занимается состоянием русской науки и литературы, считая в числе главных ее представителей гг. Лешкова и Луганского^[9], или, как он выражается, Leschkoff и Louganski. Г-н Семенов ждал всемирной славы, а ее-то и нет... Мало того, и сама Россия осталась до сих пор в неведении о творении, давшем Европе новое доказательство русского

гения. Русские журналы заняты были поздними сожалениями о том, что Россия потеряла г-жу Свечину, столь благотельно действовавшую на развитие истинной цивилизации за границей;^[10] но никто не пожалел о том, что русские читатели, не знающие по-французски, лишены счастья познакомиться с талантом г. Семенова... Мало того, даже в петербургские салоны не проник розовый томик г. Семенова, несмотря даже на то, что он многократно и с особенной настоятельностью обращается к светским дамам и молодым джентльменам. Правда, он пепелит их молниями своего гнева, но тем интереснее должен бы он казаться: поэт во гневе!.. Ведь это море в бурю! И если вы стоите на берегу, в полной безопасности, как же не полюбоваться на величественное явление природы!.. Но *habent sua fata libelli*¹ – глубокомысленно заметили бы мы, если бы назначали свою рецензию для «Отечественных записок». Несмотря на все шансы успеха, книжка г. Семенова прошла незамеченного и уже перешла теперь на толкучке рынки Латинского квартала, где продается за четверть цены. По всему видно, что нашего романиста постигла участь Матрены, которую обессмертил Крылов в одном из своих комментариев на собственные басни:

И сделалась Матрена
Ни пава, ни ворона^[11], —

от русской литературы г. Семенов бежал, а французская не признала его.

Так не будет же этого, сказали мы сами себе: мы не допустим погибнуть в неизвестности нашего соотечественника, не оставим его ни в тех, ни в сех! Если французские павы не хотят признать его, то мы будем благороднее их и убедим русскую литературу принять г. Семенова в свою среду как настоящую, кровную ворону!..

В самом деле, стоит пробежать роман, чтобы увидеть, что автор его хотя и пишет по-французски, но по своим понятиям, стремлениям и сочувствиям остался истинно русским человеком, принадлежащим к нашему лучшему обществу. Чтобы убедить вас в этом, мы расскажем вкратце содержание «Исповеди поэта», предполагая, что вы имеете несчастье до сих пор еще не знать ее.

Надо заметить прежде всего, что г. Семенов говорит не от своего имени, а от имени некоторого поэта, по имени Евгения. Суждение самого автора о его герое можно находить в заключительном письме его друга, графа N*. По мнению графа, «сердце Евгения заключало в себе сокровища доброты и благородства, горячую любовь к истине и справедливости; он был страстен и порывист; ненависть его, если он ненавидел, доходила до исступления; но этот недостаток искупался в нем тысячами достоинств: — он был прямодушен, мужествен, как его предки, бескорыстен, предан тем, кого любил, до того, что готов был жертвовать для них всем, даже жизнью. Но что особенно отличало его, это дух изумительной правоты, свободной от всяких предрассудков, и поэтический аромат, исходивший из его души» (стр. 214). Итак, вот с кем вы имеете дело: этот изумительный Евгений, это совершенство в некотором роде — рассказывает вам историю своего сердца.

На бале *mademoiselle* Евлалии, содержанки выше упомянутого графа N* (как видно, г. Семенов хотел дать Европе понятие о нашей гласности, и потому многие лица в своем романе не означает иначе, как только буквами), — Евгений влюбился в прелестную испанку Инесу, которую содержал барон Ризенштейн. Вы не пугайтесь, что дело начинается так прозаически: сейчас же дойдет и до поэзии. Испанка дала Евгению свой альбом, чтоб он импровизировал в него стихи. Он сначала было окрысился, потому что «смешно же воспевать прелестные глазки *d'une courtisane*»², — как это приличнее сказать по-русски — мы уж и не

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.). — Ред.

² Куртизанки (фр.). — Ред.

знаем. Но так как Евгений – человек *bien eleve*³, то он и не мог сделать невежливости – даже куртизанке, но взял альбом, с намерением, однако же, написать испанке *quelque bonne mechancete*⁴. Эта *bonne mechancete* весьма удачно импровизирована была им из нескольких общих мест, до сих пор, впрочем, принимаемых за остроумие в известном круге общества. Чтобы дать вам понятие о том, как наш поэт (или г. Семенов – на сей раз это все равно) мастерски владеет французским языком и стихом, мы выписываем его импровизацию:

L'amour est cher a Petersbourg.
Aux yeux de plus d'une sirene
Bourse vide est preuve certaine
D'un manque de coeur et d'amour.

Or, je suis un trop pauvre here,
Et pour qui t'aime, ange malin,
La bourse a tort d'etre legere
Alors que le coeuf est trop plein.

Je dissimule en vain ma plaie
Sous les replis d'un madrigal.
C'est pour l'amour triste monnaie,
Quandil demande un capital^[12].

Отдавши испанке альбом, поэт удалился и пошел играть в карты. Но через час пошел ее отыскивать. Он ее нашел в дальней, слабо освещенной комнате, читающею его стихи и плачущею. Произошло, разумеется, объяснение, из которого оказалось, что испанка имеет возвышенные чувства, вовсе не торгует собою, любит Евгения, но только не хочет обманывать своего любовника... Объяснение было прервано на самом интересном месте; но тем не менее дело было кончено. Испанки, как известно всем, даже не читавшим писем В. П. Боткина^[13], – страстны и решительны; следовательно, ничего нет удивительного, что Инеса на другое же утро бросила свою великолепную квартиру, продала мебель, отослала вырученные деньги к Ризенштейну, своему бывшему любовнику, наняла маленькую квартиру и к вечеру прибежала к Евгению с объявлением, что она – его навеки. Вот что значит поэзия, особенно такая, в которой поэт называет себя «*mi pauvre here*»⁵, избегая таким образом вульгарного *pauvre diable*⁶ и в то же время счастливо приближаясь к языку Шиллера и Гете!^[14]

Все было прекрасно, несмотря на то, что *pauvre here* был действительно небогат: он получал сто целковых в месяц от своих родителей, а остальное приходило ему случайно – то при счастливой игре, то за удачные стишки. Испанка, однако же, не тяготилась своим положением, потому что без ума была от Евгения и его талантов. Но поэт всегда найдет себе причину печали: он вздумал тосковать о том, что Инеса досталась ему не девою!.. Надо сказать, что он сам, как «*jeune homme elegant et distingue*»⁷, по его собственному признанию, имел-таки на своем веку не одну интрижку и даже незадолго до встречи с Инесою только что бросил какую-то княгиню С*. Связь его с этой княгиней не была тайною, и Инеса знала про нее, но (по своей испорченности, очевидно) и не думала оскорбляться этим и ревновать

³ Благовоспитанный (фр.). – Ред.

⁴ Какую-нибудь колкость (фр.). – Ред.

⁵ Бедняком (фр.). – Ред.

⁶ Бедняк (фр.). – Ред.

⁷ Элегантный и благовоспитанный юноша (фр.). – Ред.

прошедшее своего Евгения. Но поэт наш не из таких; нося в сердце своем «горячую любовь к истине и справедливости», он питает, как видно, не менее горячую любовь и к кое-чему другому, – он не может никак примириться с мыслью, что «другой владел его Инесой, другой покрывал это прекрасное тело своими ласками». Вследствие того «одно утро, держа ее в своих объятиях, он был охвачен холодным бешенством, безумным желанием задушить ее»... К счастью, на этот раз смертоубийственное намерение не исполнилось, и мысли поэта приняли другой оборот, хотя в том же разрушительном направлении: ему захотелось во что бы то ни стало убить Ризенштейна. Он не мог только придумать приличного предлога для дуэли... Но, к счастью, оказалось, что барон одержан был той же, истинно немецкой, страстью – убивать своих ближних. Таким образом, в то самое время, как Евгений обдумывал проект ссоры с бароном, предупредительный немец сам к нему явился и без всяких предисловий осведомился, не желает ли поэт драться с ним. Поэт отвечал: «С величайшим удовольствием», и на другой день они дрались и, разумеется, Евгений убил Ризенштейна (иначе бы и романа продолжать нельзя было). Посла дуэли произошла прелестная сцена. Ночь перед дуэлью Евгений провел с Инесой; в семь часов утра, когда еще она спала, он отправился; покончив дело, он вернулся к ней и застал ее за чаем. «Зачем ты сегодня так рано поднялся и ушел?» – спросила она его. «Я дрался с Ризенштейном и убил его», – отвечал поэт. «Правда?» – спросила она. «Честное слово!» – отвечал он. «О, благодарю!» – воскликнула она и бросилась ему на шею... Потом они принялись, конечно, за чай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

В. А. Кокорев опубликовал в брюссельской газете «Le Nord» статью «Взгляд русского на европейскую торговлю» (перевод – РВ, 1858, март, кн. 1). Кроме того, ему принадлежит брошюра «Impressions de la voyage d'un russe in Europe», Paris, 1859 («Впечатления русского от путешествия по Европе»), В. А. Соллогуб написал на французском языке пьесу «Preuve d'amitie», Paris, 1859 («Доказательство дружбы») и ряд брошюр: «Le Caucase dans le question d'Orient. Reponse aux biographes parisiens de Schamyl», Paris, 1855 («Кавказ в восточном вопросе. Ответ на парижские биографии Шамиля»), «Les musiciens contre musique», 1860, из «Journal de St.-Petersbourg» («Музыканты против музыки») и др. Н. А. Жеребцов – автор книги «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie», т. 1–2. Paris, 1858 («Опыт истории цивилизации в России»), которую Добролюбов подверг уничтожающей критике в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (см. наст. изд., т. 1), а также ряд брошюр на французском языке: «Le congress et non la guerre», Paris, 1855 («Конгресс и мир»), «Les trois questions moment», Paris, 1857 («Три современных вопроса»), «De l'emancipation des serfs en Russie», Paris, 1859 («Освобождение крепостных в России»). Употребляя приставку «де» перед фамилией Жеребцова, Добролюбов намекал на его аристократические амбиции. Наркиз Атрешков (Н. И. Тарасенко-Отрешков) издал на французском языке книгу «De l'or et de l'argent», Paris, 1856 («О золоте и серебре»; русский перевод – СПб., 1856), которой Н. Г. Чернышевский посвятил ироническую рецензию (Совр., 1856, № 7). В 1860 г. он опубликовал новую книгу: «Des causes de la cherte», S.-Petersbourg («Причины дороговизны»). А. С. Комаров сотрудничал в газете «Le Nord», издававшейся на французском языке и финансирувавшейся русским правительством. В 1860 г. он выпустил в Париже первый том издания «Presse Scientifique des deux mondes. Revue universelle du mouvement des sciences pures et appliquees» («Научная пресса обоих полушарий. Всеобщее обозрение движения чистых и прикладных наук»), И. И. Панаев, сообщая об этом в «Заметках Нового поэта» (Совр., 1860, № 9), иронически писал об «учености» Комарова.

2.

Немецкое выражение «Blinde Kuh» (букв.: «слепая корова») означает: «игра в жмурки».

3.

Добролюбов имеет в виду своеобразную терминологию А. А. Григорьева, которая была объектом постоянных насмешек в тогдашней критике (см., напр., заметку Добролюбова в «Свистке» № 2 «О допотопном значении г. Лажечникова»).

4.

По уставу 1841 г. Академия наук делилась на три отделения: I – физико-математическое, II – русского языка и словесности, III – историко-филологическое. Среди действительных членов Академии наук по I и III отделениям было значительное число иностранцев, главным образом обрусевших.

5.

В Армянском переулке находилась редакция журнала М. Н. Каткова «Русский вестник».

6.

Парижские издатели и книготорговцы Ф. Амио и А. Франк издавали и продавали русские издания различной политической ориентации, в частности, в магазине Франка в 1850-е гг., а в магазине Амио в 1860-е гг. продавались лондонские издания А. И. Герцена.

7.

Вандомская колонна – бронзовая колонна высотой 43,5 м, воздвигнутая в честь побед Наполеона I в 1810 г.

8.

Ежегодник «Anmmire des Deux Mondes», издававшийся при журнале «Revue des Deux Mondes», содержал справки о деятелях в области политики, науки и литературы.

9.

В. Н. Лешков – историк русского права славянофильской ориентации. Казак Луганский – псевдоним В. И. Даля.

10.

См. примеч. 41 к статье «Черты для характеристики русского простонародья» (наст. т., с. 726–727).

11.

Из басни «Ворона» (1825), Комментариями на собственные басни Добролюбов называет заключительные строки басен Крылова, разъяснявшие их смысл («мораль»).

12.

Подстрочный перевод: Любовь дорога в Петербурге. Кроме того, в глазах прелестницы пустой кошелек – достоверное доказательство нехватки сердца и любви. Я же слишком беден и, чтобы любить тебя, плутовка, опустошаю свой кошелек, тогда как сердце слишком полно. Напрасно я скрываю свою рану в складках мадригала. Печальна любовь, когда она требует капитала.

13.

Имеются в виду «Письма об Испании» (Совр., 1847–1849).

14.

Оба выражения означают: «бедняк», но второе – разговорное, общеупотребительное, а первое – архаизм, причем «hege», восходящее к немецкому «Hege», то есть «сеньор, господин», придает выражению «благородный» оттенок.